

Горячая миска с лапшой с силой врезалась в сумку, и пластиковая крышка, не выдержав удара, отлетела в сторону. Содержимое выплеснулось наружу: брызги кипящего бульона веером разлетелись во все стороны, мгновенно обварив пальцы Шэн Яня. Кожа на его руках тут же пошла красными пятнами, а ученическая форма оказалась безнадежно испорчена жирными потеками.

Юноша даже не поморщился. Словно врос в землю, он не сдвинулся ни на дюйм, по-прежнему надежно укрывая Сун Хэмяня в кольце своих рук.

Взглянув на свои обожженные пальцы, Шэн Янь почувствовал, как внутри закипает глухая ярость. Если бы этот удар пришелся шефу в лицо, ожоги могли бы стать фатальными — дело могло закончиться тяжелыми шрамами, а то и полным увечьем.

Резким движением он сорвал с плеча сумку, набитую книгами и инструментами, и швырнул её в ответ. Тяжелый снаряд с глухим, болезненным стуком угодил мужчине прямо в лицо. Тот вскрикнул от боли, хватаясь за переносицу, и сквозь его пальцы тут же засочилась густая кровь.

Юноша бросил короткий взгляд на застывшего в оцепенении Цинь Юньчжоу и властно кивнул в сторону нападавшего:

— Уведи его отсюда.

Тот мгновенно пришел в себя, подхватил кричащего мужчину под руки и потащил прочь от ворот.

Освободившись, Шэн Янь обернулся к человеку за своей спиной. Лицо сереброволосого шефа было наполовину залито чужой кровью. Тонкими, мертвенно-бледными пальцами Сун Хэмянь продолжал машинально оттирать кровавые пятна с одежды погибшей девочки, но его ладони тоже были в крови, и от каждого его движения грязи становилось только больше.

— Сун Хэмянь, — негромко позвал юноша.

— Я в порядке, — тот наконец отнял руки от тела и, покрепче прижав к себе маленькую Янь-Янь, медленно выпрямился. — Пойдем.

Тела малышки и Чжан Лань забрали сотрудники Альянса. У этих двоих в целом мире не осталось ни единой родной души, способной облечь их в последний саван. Сун Хэмянь попросил женщин из персонала омыть покойных, переодеть в чистую одежду и подготовить к погребению.

Закончив со всеми распоряжениями, он зашел в уборную. Вода, стекавшая с его ладоней, окрашивалась в алый и с тихим хрипом уходила в слив. 996, трепеща крыльями, робко подлетел ближе и совсем тихо пропищал:

— Носитель...

Сун Хэмянь на мгновение замер, не выключая крана.

— Ты всё еще здесь. Я напугал тебя?

— Нет, — прошептал 996, и его электронные глаза жалобно замерцали. — Носитель...

Система хотела найти слова утешения, но спина Сун Хэмяня была такой прямой, а его эмоции напоминали камешки, брошенные в глубокий колодец: 996 не увидел даже слабой ряби на поверхности — всё мгновенно скрылось в бездне. В такие моменты даже самое искреннее сочувствие казалось лишним.

В зеркале отразилась еще одна фигура — это был Юй Сисин, закончивший с похоронными хлопотами. 996 почувствовал неладное и замахал крылышками, пытаясь прогнать незваного гостя, но, кроме носителя, никто не мог его заметить.

Юй Сисин открыл соседний кран.

— Господин шеф, всё готово.

— Хорошо.

— Знаете... — он замялся, не глядя на начальника. — Янь-Янь была такой крохотной. После кремации от неё почти ничего не осталось — всего лишь маленькая горсть пепла.

Рука Сун Хэмяня на рычаге смесителя дрогнула.

— Всё, как и говорила Чжан Лань. Она ведь совсем ничего не успела в этой жизни. Ничего не увидела, ничего не почувствовала. Просто исчезла.

— Наверное, она даже не знала вкуса многих вещей. Не говоря уже о том, чтобы попробовать человеческую плоть.

Сун Хэмянь резко перекрыл воду и ледяным взглядом пронзил подчиненного через зеркало:

— К чему ты клонишь?

Юй Сисин сжал кулаки и, переборов страх, встретился с ним глазами:

— Неужели в таких исключительных случаях мы обязаны идти до конца? Обязаны истреблять их без остатка? Она ведь была совсем невинна...

— Что именно в твоём понимании является «исключительным случаем»? — оборвал его Сун Хэмянь.

Обретя внезапную смелость, Юй Сисин повысил голос:

— Она была ребенком! Мутационный ген еще не успел полностью подавить её человечность. Если бы мы подождали, она могла бы дожить до появления сыворотки! Она же ничего не сделала!

— Ха, — Сун Хэмянь издал короткий, сухой смешок. — Ген не успел развиваться? По-твоему, мы должны давать поблажку каждому монстру, чей организм еще не до конца переродился? Подождем, пока они пройдут через все круги ада мутации? Подождем, пока они разорвут кого-нибудь на части, и только тогда приведем приговор в исполнение? Ты это предлагаешь?

Лицо Юй Сисина побледнело.

— Но если бы мы сделали так, как просила мать... Если бы заперли её в Альянсе под присмотром...

— И оставили бы её гнить в вечном мраке подземелий, ожидая неизбежного взрыва генов и мучительной смерти?

— А если бы она дождалась лекарства?!

Сун Хэмянь выглядел изможденным. Он тяжело оперся ладонью о край раковины, его пальцы с силой впились в холодный мрамор.

— Кто сказал тебе, что сыворотку вообще когда-нибудь создадут? — в его голосе прозвучала горькая, почти неуловимая ирония.

Юй Сисин замер, пораженный этим вопросом.

— Что это значит? Господин шеф?

Сереброволосый мужчина, чье лицо теперь по бледности могло поспорить с его волосами, не удостоил его ответом.

— Если не можешь справляться со своей работой — пиши заявление об уходе.

— Я...

Юй Сисин хотел было возразить, но его прервал чужой голос. Шэн Янь, небрежно перебросив через плечо испорченную куртку, стоял в дверях. Неизвестно, как долго он слушал их спор.

— Сун Хэмянь, поехали домой.

— Молодой шеф Шэн, — пробормотал Юй Сисин, склонив голову.

Шэн Янь проигнорировал его присутствие. Он пристально смотрел на мужчину у раковины:

— Домой.

Обратный путь прошел в гробовом молчании. Цинь Юньчжоу то и дело украдкой поглядывал в зеркало заднего вида. Пассажиры сидели на заднем сиденье так далеко друг от друга, что между ними легко поместились бы еще несколько человек. Водитель терялся в догадках: только что молодой господин Шэн с такой отчаянной готовностью бросился защищать шефа, словно тот был ему дороже всех на свете... Почему же теперь он снова превратился в колючего и мрачного подростка?

До самой остановки у ворот поместья ни один из них не проронил ни слова.

Войдя в дом, Сун Хэмянь первым делом сменил обувь на мягкие белые тапочки с кошачьими мордочками. Шэн Янь, последовав его примеру, направился было к лестнице, но был остановлен негромким приказом:

— Сядь на диван.

Ученик Шэн промолчал, но подчинился беспрекословно.

Сун Хэмянь снял плащ. Без тяжелой форменной одежды его фигура казалась болезненно хрупкой — Шэн Янь в очередной раз задался вопросом, как этот человек умудряется удерживать тяжелую снайперскую винтовку, нещадно выкашивая инородных видов.

Достав из ящика аптечку, Сун Хэмянь сел рядом с юношей.

— Руку.

Шэн Янь не ожидал, что в той суматохе шеф заметил его травму. Он инстинктивно дернул плечом, пытаясь спрятать кисть за спину:

— Пустяки. Со мной всё в порядке.

Сун Хэмянь не стал спорить. Он просто сидел и молча смотрел на него.

В гостиной воцарилась такая тишина, что было слышно лишь их неровное дыхание. В конце концов Шэн Янь сдался и нехотя протянул руку.

Вся тыльная сторона ладони была багрово-красной, кое-где уже начали вздуться маленькие волдыри. Сун Хэмянь осторожно взял его руку в свою. Холод его ладоней отозвался в теле юноши легким, едва заметным разрядом тока, пробежавшим от кончиков пальцев до самого сердца.

Чувствуя себя крайне неловко, Шэн Янь уткнулся взглядом в свои тапочки — на них красовались забавные черные песики, которые теперь оказались нос к носу с белыми кошками на ногах Сун Хэмяня.

Хозяин «кошек», не замечая смущения подопечного, сосредоточенно обрабатывал ожоги антисептиком, после чего нанес толстый слой мази и аккуратно наложил повязку.

Затянув бинт аккуратным узлом, он поднял глаза:

— Не мочи руку несколько дней. Будь осторожен.

— Угу.

Сун Хэмянь начал убирать медикаменты в коробку и вдруг негромко добавил:

— В следующий раз не будь таким безрассудным.

— Это я-то безрассудный? — В Шэн Яне снова всколыхнулось недавнее раздражение. — Это ты стоял как истукан и ждал, пока он в тебя чем-нибудь запустит. Обязательно было дожидаться, пока тебе лицо изуродуют?

Шеф безразлично пожал плечами:

— Это не имело значения.

— Как это — не имело?!

— Тех, кто желает мне смерти, хватит на целую армию. Изуродованное лицо — это еще малая цена.

За годы службы Сун Хэмянь истребил бесчисленное множество инородных видов. Людям, чьи близкие превратились в чудовищ, нужен был козел отпущения для их ярости и бессилия, и глава Звёздного Альянса идеально подходил на эту роль.

Шэн Янь шевельнул забинтованной ладонью и внезапно произнес:

— Подожди меня еще один год.

«Всего один год. Это недолго. Ты обязательно должен дождаться».

— Что? — Сун Хэмянь не расслышал последних слов.

— Ничего, — юноша поднялся и, бросив на него долгий, нечитаемый взгляд, ушел в свою комнату.

Как только дверь закрылась, 996 снова выпорхнул из своего укрытия:

— Носитель, у меня отличные новости!

— Да?

[Уровень выполнения задания повышен]

Недавний спор у раковины в оригинальном романе считался одной из ключевых сцен. 996 смутно помнил, что глава называлась «Он такой особенный». Это был переломный момент, когда Главный Герой-гун начинал проявлять интерес к Шоу. Читатели в комментариях тогда всю восхищались решимостью Главного Героя-шоу, называя его «острым» и «горячим». По их мнению, гун был совершенно очарован харизмой своей будущей пассии.

996, правда, никак не мог взять в толк, почему Сун Хэмяня называют «острым» — он ведь не был красным перцем.

Однако реальность внесла свои коррективы. В романе шоу доводил гуна до полного молчания своими доводами, заставляя того пересмотреть взгляды, что позже приводило к переходу Главного Героя-гуна в лагерь консерваторов. Здесь же всё вышло наоборот: хозяин сам заставил оппонента замолкнуть. Тем не менее, это позволило продвинуть прогресс на пять процентов.

— Вот как, — Сун Хэмянь не выказал особой радости от этой новости. — 996, как долго еще продлится это задание?

Золотистый комок замялся, пытаясь подобрать ответ, который мог бы подбодрить носителя:

— Если всё пойдет так же быстро, то через пару месяцев закончим! Совсем скоро! Мой прошлый носитель уложился в три месяца, хотя сюжета было на три года. Когда я уходил, он уже был полностью свободен от сценария и жил очень счастливо! Семья, друзья — все вернулись к нему, и он даже нашел новую любовь!

Маленькая система искренне пыталась воодушевить своего нового подопечного. Но тот, вопреки ожиданиям, лишь вежливо кивнул:

— Правда? Что ж, я рад за него.

996 приуныл. «Ну почему хозяин такой неактивный, у-у-у...»

Система в расстроенных чувствах забилась в уголок, принявшись изучать базу данных в поисках способа ускорить процесс. Она утешала себя мыслью, что если такие случайные прибавки к прогрессу будут случаться почаще, то им даже не придется прилагать лишних усилий.

Сун Хэмянь, даже не подозревая, какой удар он нанес энтузиазму системы, закончил с уборкой и поднялся наверх, чтобы принять ванну.

В доме не было отдельных ванных комнат, так что они с Шэн Янем пользовались одной общей. Впрочем, она была огромной: со встроенной душевой кабиной и просторной ванной. Большая столешница с раковинами позволяла двум взрослым мужчинам умываться одновременно, не мешая друг другу.

На полках стояли одинаковые стаканы для полоскания и зубные щетки — одной модели, но разных цветов. Даже полотенца были подобраны в тон. Глядя со стороны, трудно было поверить, что Шэн Янь с таким маниакальным упорством подбирал эти бытовые мелочи, причем выбирал самые милые варианты.

Сун Хэмянь решил, что подростку просто не хватает тепла, и не стал возражать против этого «парного» стиля. Шэн Янь рано потерял отца, и его потребность в семейном уюте была вполне понятна. Мужчина полагал, что юноша видит в нем фигуру родителя, и подыграть ребенку в таких мелочах было делом нехитрым.

Он взял полотенце с бесчисленными котятками и шагнул в ванную.

Матовое стекло двери мгновенно запотело, скрывая за собой размытый силуэт.

Сун Хэмянь подставил лицо под теплые струи воды. Он откинул волосы назад, и капли влаги покатались по его рукам, минуя многочисленные следы от укулов на сгибах локтей, прежде чем исчезнуть в сливе.

Под воздействием горячего пара его бледная кожа приобрела нежно-розовый оттенок, но самым притягательным в его облике была татуировка.

Это были розы. Огромное, пышное сплетение цветов.

Они начинались на одном бедре, темная зелень шипастых стеблей поднималась выше, пересекала тазовую кость и тугими кольцами обвивала талию.

С каждым его вдохом розы на теле словно оживали, приходя в движение. Они выглядели настолько реалистично, что казалось, будто цветы не вытатуированы, а пустили корни прямо в его плоть, проросли сквозь него и теперь жадно тянутся вверх, оплетая торс.

Кожа Сун Хэмяня была слишком белой, отчего кроваво-красный цвет бутонов казался пугающе ярким. Шипастые лозы, стискивающие его худое тело, создавали странное, почти порочное впечатление. Он выглядел пленником этих зарослей, опутанным лозами так крепко, что в этом сквозила странная, пугающая красота — красота истязания.

Закончив мыться, он обмотал бедра полотенцем и открыл дверь. Шэн Янь в это время уже нежился в ванне.

Из-за травмированной руки юноше пришлось положить запястье на бортик купели. В его еще молодом, юношеском теле уже отчетливо угадывались линии будущей мощи: рельефные мышцы предплечий, округлые бицепсы. Сквозь толщу воды проступали четкие кубики пресса, обещающая в будущем стать частью идеальной атлетической фигуры.

Услышав шаги Сун Хэмяня, он повернул голову, и его темные глаза, похожие на обсидиановые шары, уставились на вошедшего.

Сун Хэмянь никак не отреагировал на этот взгляд. Он спокойно вытер волосы полотенцем и направился к выходу, бросив на ходу:

— Не сиди долго, не хватало еще простудиться.

Шэн Янь ничего не ответил.